

1001 ночь.

Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур

[Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур, ночи 170-182](#)

[Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур, ночи 183-195](#)

[Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур, ночи 196-208](#)

[Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур, ночи 209-217](#)

[Повесть о Камар-аз-Замане и царице Будур \(продолжение\)](#)

Двести девятая ночь

Когда же настала двести девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ситт Будур остановилась в окрестностях Эбенового города, чтобы отдохнуть, царь Арманус послал от себя посланца, чтобы выяснить, что это за царь остановился за стенами его города. И когда посланец прибыл к путникам, он спросил их, и ему сказали, что это царский сын, который сбился с дороги, а направлялся он к острову Халидан, принадлежащим царю Шахраману.

И посланный вернулся к царю Арманусу и рассказал ему, в чем дело. И, услышав это, царь Арманус вышел с избранными своего царства навстречу прибывшему. А когда он подъехал к шатрам, Ситт Будур спешила, и царь Арманус тоже спешил, и они приветствовали друг друга. И царь ввел Ситт Будур в свой город и поднялся с нею во дворец и приказал разложить скатерти и расставить столы с кушаньями и яствами и велел перевести воинов Ситт Будур в Дом гостей, и они провели там три дня.

После этого царь вошел к Ситт Будур (а она в этот день сходила в баню и открыла лицо, подобное луне в полнолуние, так что люди впали из-за нее в соблазн, а народ потерял стыд, увидав ее) и подошел к ней (а она была одета в шелковую одежду, вышитую золотом, униженным драгоценными камнями) и сказал: "О дитя мое, знай, что я стал совсем дряхлым старцем, а мне в жизни не досталось ребенка, кроме дочери, которая походит на тебя прелестью и красотой. Я теперь не в силах управлять царством, и оно принадлежит тебе, о дитя мое, и если эта моя земля тебе нравится и ты останешься здесь и будешь жить в моих землях, я женю тебя на моей дочери и отдам тебе мое царство, а сам отдохну".

И Ситт Будур опустила голову, и лоб ее вспотел от стыда, и она про себя сказала: "Как теперь поступить, раз я женщина? Если я не соглашусь и уеду от него, это не безопасно – он, может быть, пошлет за мною войско, которое убьет меня. А если я соглашусь, то, может быть, буду опозорена. К тому же я потеряла моего любимого, Камар-аз-Замана, и не знаю, что с ним. Одно мне спасение – промолчать и согласиться, и оставаться у него, пока Аллах не совершит дело, которое решено".

И после этого Ситт Будур подняла голову и выразила царю Арманусу внимание и повиновение. И царь обрадовался этому и велел глашатаю кричать по Эбеновым островам о торжестве и украшении, и собрал придворных, наместников, эмиров, везирей, вельмож своего царства и судей города и отказался от власти и сделал султаном Ситт Будур. Он одел ее в царскую одежду, и эмиры все вошли к Ситт Будур, не сомневаясь, что это юноша и мужчина, и каждый, кто смотрел на нее, замочил себе шальвары из-за ее чрезмерной красоты и прелести.

И когда Ситт Будур стала султаном, из-за нее пробили в литавры от радости, и она села на свой престол, царь Арманус принялся обрядить свою дочь Хаят-ан-Иуфус. А через немного дней Ситт Будур ввели к Хаят-ан-Нуфус, и они были точно две луны, взошедшие в одно время, или два встретившиеся солнца. И заперли двери и опустили занавески после того, как им зажгли свечи и постлали постель.

И тогда госпожа Будур села с госпожой Хаят-ан-Нуфус и вспомнила своего возлюбленного, Камар-аз-Замана, и усилилась ее печаль. И она заплакала от разлуки с ним и его отсутствия и произнесла:

"О вы, кто отсутствует, тревожна душа моя!

Ушли вы, и в теле нет дыхания, чтоб вздохнуть.

Ведь прежде зрачки мои томились бессонницей,

Разлились они в слезах – уж лучше бессонница!

Когда вы уехали, остался влюбленный в вас,

Спросите же вы о нем – в разлуке что вынес он?

Когда б не глаза мои (их слезы лились струей),

Равнины земли мой пыл зажег бы наверное.

Аллаху я жаляюсь на милых, утратив их,

И страсть и волнение в них не вызвали жалости.

Пред ними мой грех один – лишь то, что люблю я их:

В любви есть счастливые, но есть и несчастные",

А окончив говорить, Ситт Будур села рядом с госпожой Хаят-ан-Нусуф и поцеловала ее в уста, и затем, в тот же час и минуту, она поднялась, совершила омовение и до тех пор молилась, пока Ситт Хаят-ан-Нуфус не заснула, и тогда Ситт Будур легла в ее постель и повернула к ней спину и лежала так до утра. Когда же настал день, царь и его жена вошли к своей дочери и спросили ее, каково ей, и она рассказала им о том, что видела и какие слышала стихи.

Вот что было с Хаят-ан-Нуфус и ее родителями. Что же касается царицы Будур, то она вышла и села на престол своего царства. И поднялись к ней эмиры и все предводители и вельможи царства, и поздравляли ее с воцарением, и поцеловали землю меж ее рук и пожелали ей счастья. А Ситт Будур улыбнулась и проявила приветливость и наградила их, и оказала эмирам и вельможам царства уважение, увеличив их поместьями и свиту. Так все люди полюбили ее и пожелали ей вечной власти, и они думали, что она мужчина.

И стала она приказывать и запрещать, и творила суд и выпустила тех, кто был в тюрьмах, и отменила пошлины, и она до тех пор сидела в месте суда, пока не настала ночь. И тогда она вошла в помещение, для нее приготовленное, и нашла Ситт Хаят-ан-Нуфус сидящей, и, сев рядом с нею, потрепала ее по спине, и приласкала и поцеловала ее меж глаз, и произнесла такие стихи:

"Мои слезы все ль объявили то, что таил я,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Изнурением обессилена моя плоть в любви.

Я любовь скрывал, но в разлуки день говорит о ней

Всем доносчикам облик жалкий мой, и не скрыть ее.

О ушедшие, свей покинув стан, поклянусь я вам

Тело все мое изнурили вы, и погиб мой дух.

Поселились вы в глубине души, и глаза мои

Слезы льют струей, и кровь капает из очей моих.

Кого нет со мной, тех душой своей я купить готов,

Да, наверное, и любовь моя улетает к ним.

Вот глаза мои: из любви к любимым отверг зрачок

Сладкий отдых сна, и струит слезу непрерывно он.

Враги думали, что суров я буду в любви к нему,

Не бывать тому, и ушами я не внимаю им!

Обманулись все в том, что думали, и с одним я лишь

Камар–аз–Заманом желанного достичь могу.

Он собрал в себе все достоинства; не собрал никто

Из царей минувших достоинств всех, ему свойственных.

Так он щедр и добр, что забыли все, каким щедрым был

Ман ибн Заида [238] и как кроток был сам Муавия [239].

Затянул я речь, и бессилен стих вашим прелестям

Описание дать, а не то бы рифм не оставил я".

Затем царица Будур поднялась на ноги и, вытерев слезы, совершила омовение и стала молиться, и молилась до тех пор, пока Ситт Хаят–ан–Нуфус не одолел сон и она не заснула. И тогда Ситт Будур подошла и легла рядом с нею и пролежала до утра, а потом она поднялась, совершила утреннюю молитву и, сев на престол своего царства, стала приказывать и запрещать и творила справедливый суд.

Вот что было с нею. Что же касается до царя Армануса, то он вошел к своей дочери и спросил ее, каково ей, и она рассказала ему обо всем, что с ней случилось, и сказала те стихи, которые говорила царица Будур. "О батюшка, – сказала она, – я не видела никого умнее и стыдливее моего мужа, но только он плачет и вздыхает". – "О дочь моя, – отвечал ей царь, потерпи с ним – осталась только эта третья ночь, и, если он не познает тебя и не уничтожит твою девственность, у нас найдется для него план и способ, и я сниму с него власть и изгоню его из нашей страны".

И он сговорился так со своей дочерью и задумал такой план..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести десятая ночь

Когда же настала двести десятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Арманус сговорился так со своей дочерью и задумал такой план. И подошла ночь, и царица Будур перешла с престола царства во дворец и вошла в то помещение, которое было ей приготовлено, и увидала она, что свечи зажжены и что госпожа Хаят–ан–Нуфус сидит там. И ей вспомнился ее муж, и то, что с ним произошло со времени их разлуки за этот небольшой срок, и она заплакала, испуская непрерывные вздохи, и произнесла такие стихи:

"Я клянусь, что весть о беде моей наполняет мир,

Точно солнца луч, восходящего ночью мрачною.

Его знак вещает, но трудно нам понять его,

Потому тоска перестать не может расти моя.

Ненавижу я прелесть стойкости, полюбив его,

Но видал ли ты среди любящих ненавистников?

Взгляды томные поражают нас острием своим

(А сильнее всех поражают нас взгляды томные).

Распустил он кудри и снял покров, и увидел я

Красоту его и черною и белою.

И болезнь моя и лечение – все в руке его,

Ведь недуг любви только тот излечит, кто хворь нагнал.

Поясок его полюбил за нежность бока его,

И из зависти бедра грузные отказались встать.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Его локоны на блестящем лбу уподобим мы

Ночи сумрачной, что задержана засиявшим днем".

А окончив говорить, она хотела встать на молитву, но вдруг Хаят–ан–Нуфус схватила ее за подол и, уцепившись за нее, воскликнула: "О господин, не стыдно ли тебе перед моим отцом – он сделал тебе столько добра, а ты пренебрегаешь мною до этого времени".

И, услышав это, Ситт Будур села на своем месте прямо и сказала: "О моя любимая, что это ты говоришь?" – и Хаят–ан–Нуфус ответила: "Я говорю, что никогда не видела такого чванного, как ты. Разве все, кто красивы, так чванятся? Но я сказала это не для того, чтобы ты пожелал меня, а потому, что боюсь для тебя зла от царя Армануса: он задумал, если ты не познаешь меня сегодня ночью и не уничтожишь мою девственность, отнять у тебя утром власть и прогнать тебя из нашей страны. А может быть, его гнев увеличится, и он убьет тебя. И я, о господин мой, пожалела тебя и предупредила, а решение принадлежит тебе".

И, услышав от нее эти речи, царица Будур склонила голову к земле и не знала, что делать, а потом она подумала: "Если я не послушаюсь царя, то погибну, а если послушаюсь – опозорюсь. Но я сейчас царица всех Эбеновых островов, и они под моей властью, и мне не встретиться с Камар–аз–Заманом ни в каком другом месте, так как ему нет дороги в его страну иначе, как через Эбеновы острова. Я не знаю, что делать, и вручаю свою судьбу Аллаху (прекрасный он промыслитель!). Я же не мужчина, чтобы подняться и открыть ему невинную девушку!"

А затем царица Будур сказала Хаят–ан–Нуфус: "О любимая, все мое пренебрежение тобою и воздержание от тебя – против моей воли". И она рассказала ей обо всем, что с нею случилось, от начала до конца, и показалась ей и молвила: "Ради Аллаха прошу тебя, защити ты меня и скрой мою тайну, пока Аллах не сведет меня с моим возлюбленным Камар–аз–Заманом, а после этого будет что будет..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести одиннадцатая ночь

Когда же настала двести одиннадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что госпожа Будур осведомила Хаят–ан–Нуфус о своей истории и велела ей все скрыть, и Хаят–ан–Нуфус выслушала ее слова и изумилась ее рассказу до крайних пределов. Она пожалела ее и пожелала ей встретиться с ее возлюбленным, Камар–аз–Заманом, и сказала ей: "О сестрица, не бойся и не мучайся! Терпи, пока Аллах не свершит свое дело, которое решено". А потом Хаят–ан–Нуфус произнесла:

"Я тайну в груди храню, как в доме с запорами,

К которым потерян ключ, а дом – за печатью.

Лишь тот может тайну скрыть, кто верен останется,

И тайна сокрытою у лучших лишь будет",

А окончив стихи, она сказала: "О сестрица, грудь свободных – могила для тайн, и я не выдам твоей тайны".

Затем они стали играть, обниматься и целоваться и проспали почти до призыва на молитву. И тогда Хаят–ан–Нуфус поднялась и, взяв птенца голубя, зарезала его над своей рубашкой и вымазалась его кровью и, сняв шальвары, стала кричать. И ее родные вошли к ней, и невольницы заголосили от радости, и пришла ее мать и спросила, что с нею, и ходила вокруг нее и оставалась у нее до вечера.

Что же касается царицы Будур, то она утром встала и пошла в баню, и вымылась, и совершила утреннюю молитву, а потом она отправилась "Дом суда и, сев на престол царства, стала творить суд между людьми. И когда царь Арманус услышал радостные клики, он спросил, в чем дело, и ему рассказали, что его дочь лишена невинности, и обрадовался он этому, и его грудь расправилась и расширилась, и он сделал большой пир, и так они провели некоторое время. Вот то, что было с ними.

Что же касается царя Шахрамана, то когда его сын выехал на охоту и ловлю вместе с Марзуваном, как уже раньше рассказано, он стал ждать, но пришла ночь после их отъезда, и его сын не приехал. И царь Шахраман не спал в эту ночь, и она показалась ему долгой, и встревожился он крайней тревогою, и волнение его увеличилось, и не верилось ему, что заря взойдет, а когда настало утро, он прождал своего сына до полудня, но тот не приехал. И почувствовал царь, что наступила разлука, и жалость к сыну вспыхнула в нем, и он воскликнул: "Увы, мой сын!" – а потом так заплакал, что замочил слезами свою одежду, и произнес из глубины расколовшегося сердца:

"Я с людьми любви постоянно спорил, пока я сам

Не почувствовал ее сладости с ее горечью.

И насильно выпить пришлось мне чашу разлуки с ним,

И унизился пред рабом любви и свободным я.

Поклялась судьба разлучить меня и возлюбленных,

И теперь исполнил суровый рок то, в чем клялся ой".

А окончив эти стихи, царь Шахраман вытер слезы и кликнул войскам клич, приказывая выезжать и спешить в долгий путь. И все воины сели на коней, и султан выступил, пылая по своему сыну, Камар–аз–Заману, и его сердце было полно печали. И они поскакали, и царь разделил войско на правое, левое, заднее и переднее и на шесть отрядов и сказал им; "Сбор завтра у перекрестка дороги!"

И тогда войска рассеялись и поехали, и ехали, не переставая, остаток этого дня, пока не спустилась ночь. И они ехали всю ночь, до следующего полдня, пока не достигли пересечения четырех дорог, и не знали они, по какой дороге поехал Камар–аз–Заман, а затем они увидели остатки разорванной материи и заметили растерзанное Мясо и увидели, что еще остались следы крови.

И, когда царь Шахраман увидал это, он издал великий крик из глубины сердца и воскликнул: "Увы, мой сын!" – и стал бить себя по лицу и щипать себе бороду и порвал на себе одежду. Он убедился в смерти своего сына, и усилились его стоны и плач, и войска заплакали из–за его плача и уверились, что Камар–аз–Заман погиб, и посыпали себе головы пылью.

И пришла ночь, а они все рыдали и плакали, так что едва не погибли. А сердце царя загорелось от пламени вздохов, и он произнес такие стихи:

"Не корите вы огорченного за грусть его,

Уж достаточно взволнован он печальями.

И плачет он от крайней грусти и мук своих,

И страсть его говорит тебе, как пылает он.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

О счастье! Кто за влюбленного, клятву давшего

Изнурению, что всегда слезу будет лить из глаз?

Он являет страсть, потеряв луну блестящую,

Что сиянием затмевает ближних всех своих.

Но теперь дала ему смерть испытать чашу полную

В день, как выехал, и далек он стал от земли родной.

Бросил родину и уехал он на беду себе,

И прощания не узнал улады с друзьями он.

Поразил меня и отъездом он и жестокостью,

И разлукою, и мучением, нас покинувши.

Он отправился и оставил нас, простившись лишь,

Когда дал ему приют Аллах в садах своих".

А окончив стихи, царь Шахраман вернулся с войсками в свой город..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двенадцатая ночь

Когда же настала двести двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман, окончив говорить стихи, вернулся с войсками в свой город. Он убедился в гибели своего сына и понял, что на него напал и растерзал его либо зверь, либо разбойники.

И он велел кликнуть клич по островам Халидаи, чтобы надели черное, с горя по его сыне Камар-аз-Замане и сделал для него помещение, которое он назвал Дом печалей, и каждый четверг и понедельник он творил суд над воинами и подданными, а на остальную неделю он входил в Дом печали и горевал по своему сыну, оплакивая его в стихах, и среди них были такие:

"День счастья – тот день, когда вы снова близки ко мне,

А день моей гибели – когда отвернетесь вы.

И если угрозою испуган я гибели,

То слаще спокойствия мне близость с любимыми".

И также такие слова:

"Я душой своей искуплю ушедших, – отъездом их

Они ранят сердце и порчею смущают.

Так пускай без мужа проводит радость весь должный срок. [240]

Со счастьем, раз их нет, развелся я трижды" [241]

Вот что было с царем Шахраманом. Что же касается дарицы Будур, дочери царя аль-Гайюра, то она сделалась царицей Эбеновой земли, и люди стали показывать на нее пальцами и говорили: "Это зять царя Армануса". И каждую ночь она спала с Ситт Хаят-ан-Нуфус и жаловалась на тоску по своему муже Камар-аз-Замане и, плача, описывала Хаят-ан-Нуфус его красоту и прелесть и желала, хотя бы во сне, сойтись с ним, и говорила:

"Аллаху известно, что когда разлучились мы,

Я плакал так, что слез пришлось занимать мне.

Сказали хулители: "Терпи, ты достигнешь их",

А я им: "Хулители, откуда терпенье?"

Вот что было с царицей Будур. Что же касается Камар-аз-Замана, то он оставался в саду у садовника некоторое время, плача ночью и днем и произнося стихи и вздыхая о временах блаженства и ночах, исполненных желаний. А садовник говорил ему: "В конце года корабль отправится в земли мусульман".

И Камар-аз-Заман пребывал в таком положении, пока однажды не увидел, что люди собираются вместе" И он удивился этому, а садовник вошел к нему и сказал: "О дитя мое, прекрати на сегодня работу и не отводи воду к кустам: сегодня праздник, и люди посещают друг друга. Отдохни же и поглядывай только за садом. Я хочу присмотреть для тебя корабль: остается лишь немного времени до того, как я pošлю тебя в земли мусульман".

Потом садовник вышел из сада, и Камар-аз-Заман остался один, и стал он думать о своем положении, и сердце его разбилось, и слезы его потекли. И Камар-аз-Заман заплакал горьким плачем, так что лишился чувств, а очнувшись, он встал и пошел по саду, размышляя о том, что сделало с ним время, и о долгой разлуке и отдалении, и разум оставил его, и был он в смятении. И он споткнулся и упал, наткнулся лбом на корень дерева и ударился, и из его лба потекла кровь и смешалась со слезами. И Камар-аз-Заман вытер кровь, осушил слезы и перевязал лоб тряпкой и, поднявшись, стал ходить по саду, размышляя и потеряв разум.

А потом он взглянул на дерево, на котором ссорились две птицы. И одна из птиц поднялась и клюнула другую в шею, так что отделила ей голову от тела, и, взяв голову птицы, улетела с нею, а убитая птица упала на землю перед Камар-аз-Заманом. И пока все это было, вдруг две большие птицы опустились к убитой, и одна встала у ее головы, а другая около хвоста, и они опустили крылья и клювы и, вытянув к ней шеи, стали плакать. И тут Камар-аз-Заман заплакал о разлуке со своей женой, и ему вспомнился его отец, когда он увидел тех двух птиц, которые плакали по своему товарище..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тринадцатая ночь

Когда же настала двести тринадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камараз–Заман заплакал от разлуки со своей женой и отцом, когда увидел двух птиц, которые плакали по своем товарище. А затем Камар–аз–Заман посмотрел на птиц и увидел, что они вырыли яму и закопали в ней убитую птицу и после того взлетели на воздух и скрылись на некоторое время, а потом вернулись, и с ними была птица–убийца. И они спустились с нею на могилу убитой и, посеяв на убийцу, убили ее и, проткнув ей тело, вытянули ей кишки и пролили ее кровь на могилу убитой птицы, и разбросали ее мясо и разорвали ее кожу, а то, что было в ее внутренностях, они вытянули и раскидали по разным местам.

И все это происходило, а Камар–аз–Заман смотрел и удивлялся, и вдруг он бросил взгляд на то место, где убили птицу, и увидел там что–то блестящее. И он подошел ближе, и оказалось, что это зоб той птицы, и Камараз–Заман взял его и вскрыл и нашел там камень, который был причиной его разлуки с женой. И когда Камар–аз–Заман увидел и узнал камень, он упал без чувств от радости, а очнувшись, он воскликнул: "Хвала Аллаху! Вот хороший признак и весть о встрече с моей возлюбленной".

Он рассмотрел камень и провел им перед глазами и привязал его к руке, радуясь доброй вести. А потом он поднялся и стал ходить, и ожидал садовника до ночи, но тот не пришел. И Камар–аз–Заман проспал на его месте до утра, а затем поднялся, чтобы работать, и, подпоясавшись веревкой из пальмовых волокон, взял топор и корзинку и прошел через сад. Он подошел к рожковому дереву и ударил его по корню топором, и от удара зазвенело. Тогда Камар–аз–Заман снял с корня землю и увидел опускную плиту..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести четырнадцатая ночь

Когда же настала двести четырнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар–аз–Заман поднял эту опускную плиту, он увидел под ней дверь и лестницу и, спустившись по ней, оказался в древнем помещении времен Ада и Самуда [242]. И помещение это было вытесано из камня, а по стенам его шли скамейки небесного цвета, и оказалось, что оно наполнено ярко–рдеющим червонным золотом. И тогда Камар–аз–Заман сказал про себя: "Ушло утомление, и пришли веселье и радости!" А потом Камар–азЗаман поднялся из этого помещения в сад, на поверхность Земли, и опустил плиту обратно на место, как она была.

Он возвратился в сад и отводил воду к деревьям до конца дня, и тогда пришел к нему садовник и сказал: "О дитя мое, радуйся возвращению на родину! Купцы собрались в путешествие, и корабль через три дня отъезжает в Эбеновый город (а это первый город из городов мусульман). И когда ты достигнешь его, ты пройдешь сушею шесть месяцев и прибудешь к островам Халидан, на которых находится царь Шахраман".

И Камар–аз–Заман обрадовался и произнес:

"Не бросайте тех, кто вдали от вас не привычен быть

Вы пытаете, покидая их, безгрешного.

Другой, когда разлука длится, не помнит вас,

И менять готов свои чувства он, не то, что я""

Потом Камар–аз–Заман поцеловал садовнику руку и сказал: "О батюшка, как ты обрадовал меня" так и я тоже тебя обрадую великою радостью". И он рассказал ему про комнату, которую видел, и садовник обрадовался и сказал: "О дитя мое, я в этом саду уже восемьдесят лет и ничего не заметил, а ты у меня меньше года и увидел Это. Это твой клад. Он поможет тебе достигнуть твоих родных и соединиться с тем, кого ты любишь". – "Я непременно с тобою поделюсь", – ответил Камар–аз–Заман.

А затем он взял садовника и, введя его в помещение, показал ему золото. А было оно в двадцати кувшинах. И Камар–аз–Заман взял десять, и садовник десять. "О дитя мое, – сказал ему садовник, – наложи себе несколько мер воробьиных маслин, из тех, что в этом саду: их не найти в других землях, и купцы ввозят их во все страны. Положи золото в меры так, чтобы маслины были поверх золота, потом закрой меры и возьми их с собою на корабль".

И Камар–аз–Заман в тот же час и минуту поднялся, наложил пятьдесят мер маслин и положил туда золото, прикрыв его маслинами. А камень он положил, взяв его с собою, в одну из мер. И они потом с садовником сидели, разговаривая. И Камар–аз–Заман уверился в том, что встретится с любимыми и будет близок к родным, и сказал про себя: "Когда я достигну Эбенового острова, я поеду оттуда в землю моего отца и спрошу про мою возлюбленную Будур. Узнать бы, вернулась ли она в свою Землю, или поехала в земли моего отца, или же с ней случилась какая–нибудь случайность в дороге!" А потом он произнес:

"В душе любовь оставив, они скрылись,

И земли тех, кого люблю, – далеко,

Далек теперь и стан и обитатель,

Далеко цель пути – нет больше цели.

Ушли они – и с ними ушла стойкость,

Покой меня оставил и терпенье.

Уехали – и радость улетела,

Исчез покой – и нет уж мне покоя,

И слезы они пролили мои, расставшись,

И льется из глаз обильно слеза в разлуке,

И если когда захочется мне их видеть

И долго мне придется ждать в волненье,

То вызову вновь я в сердце своем их образ

И будут думы, страсть, тоска и горе".

И потом Камар–аз–Заман сидел, ожидая, пока пройдут оставшиеся дни, и он рассказал садовнику историю с птицами и то, что с ними

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

случилось, и садовник удивился. И они проспали до утра, а утром садовник заболел и проболел два дня, а на третий день его недуг увеличился, так что потеряли надежду на его жизнь, и Камар-аз-Заман сильно опечалился.

И пока это было так, вдруг пришел капитан и моряки, и они спросили про садовника. И когда Камар-аз-Заман рассказал им, что тот болен, они спросили: "Где юноша, который хочет с нами ехать на Эбеновые острова?" "Это невольник, стоящий перед вами", – отвечал Камараз-Заман. И он велел им перенести меры на корабль, и они перенесли их на корабль и сказали: "Поторопись – ветер хорош!" – а юноша отвечал им: "Слушаю и повинуюсь!"

Потом он перенес на корабль мешок с едой и пищей и вернулся к садовнику, чтобы проститься с ним, но нашел его борющимся со смертью. И Камар-аз-Заман сел у него в головых и закрыл ему глаза, и дух садовника расстался с его телом. Тогда Камар-аз-Заман обрядил его и похоронил во прахе, на милость Аллаха великого, а потом он пошел и отправился к кораблю, но увидел, что корабль распустил паруса и уехал, и он рассекал море, пока не скрылся из глаз. И Камар-аз-Заман был ошеломлен и стоял в замешательстве, не давая ответа и не обращаясь с речью, а потом он вернулся в сад и сел, озабоченный и огорченный, посыпая голову прахом и ударяя себя по лицу..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятнадцатая ночь

Когда же настала двести пятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о великий царь, что Камараз-Заман, когда корабль уехал, возвратился в тот сад и сел озабоченный и огорченный. Он нанял сад у его владельца и поставил себе под начало человека, который помогал ему поливать деревья, а сам отправился к опускной двери, спустился в помещение и сложил оставшееся золото в пятьдесят посуды, а сверху набросал маслин.

Он спросил про корабль, и ему сказали, что он отправляется только раз в год, и волнение Камар-аз-Замана увеличилось. И он опечалился из-за того, что с ним случилось, в особенности же из-за потери камня, принадлежавшего Ситт Будур, и плакал ночью и днем и говорил стихи.

Вот что было с Камар-аз-Заманом. Что же касается корабля, то ветер был для него хорош, и он достиг Эбенового острова. А по предопределенному велению случилось, что царица Будур сидела у окна, выходившего на море и увидела корабль, когда он пристал к берегу. И сердце Будур затрепетало, и, сев верхом, вместе с эмирами и придворными и наместниками, она проехала на берег и остановилась у корабля. А уже шла разгрузка и переноска товаров в кладовые.

И Будур призвала капитана и спросила, что он привез с собою, и капитан ответил: "О царь, у меня на корабле столько зелий, притираний, порошков, мазей, примочек, богатств, дорогих товаров, роскошных материй и йеменских ковров, что снести их не в силах верблюды и мулы. Там есть всякие благовония: и перец, и какулийское алоэ, и тамаринды, и воробьиные маслины, которые редко встречаются в этих землях".

И когда царица Будур услышала упоминание о воробьиных маслинах, ее сердце пожелало их, и она спросила владельца корабля: "Сколько с тобою маслин?" – "Со мною пятьдесят полных мер, – отвечал капитан, – но только их владелец не приехал с нами, и царь возьмет из них, сколько захочет". – "Вынесите их на сушу, чтобы я посмотрел на них", – сказала Будур.

И капитан крикнул матросам, и они вынесли эти пятьдесят мер, и Будур открыла одну из них и увидела маслины и сказала: "Я возьму эти пятьдесят мер и дам вам их цену, сколько бы ни было". – "Этому нет цены в наших землях, – отвечал капитан, – но тот, кто их собрал, отстал от нас, а он человек бедный". – "А какая им цена здесь?" – спросила Будур. И капитан отвечал: "Тысячу дирхемов", – и тогда Будур сказала: "Я возьму их за тысячу дирхемов", – и велела перенести маслины во дворец.

А когда пришла ночь, она приказала принести одну меру и открыла ее (а в помещении не было никого, кроме нее и Хаят-ан-Нуфус), а потом она поставила перед собою поднос и перевернула над ним меру, и в поднос высыпалась кучка червонного золота. И Будур сказала госпоже Хаят-ан-Нуфус: "Это не что иное, как золото!" – а потом она велела принести все меры и посмотрела их, и оказалось, что все они с золотом и что все маслины не наполнят и одной меры.

И Будур поискала в золоте и нашла в нем камень, и взяла его и осмотрела, и вдруг видит, что это тот камень, который был привязан к шнурку на ее одежде и взят Камар-аз-Заманом.

И когда Будур убедилась в этом, она закричала от радости и упала без чувств..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестнадцатая ночь

Когда же настала двести шестнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царица Будур увидела этот камень, она закричала от радости и упала без чувств, а очнувшись, она сказала про себя: "Этот камень был причиной моей разлуки с моим возлюбленным Камар-аз-Заманом, но вот пришла благая весть!" И она сообщила Ситт Хаят-ан-Нуфус, что обнаруженный камень несет благую весть о встрече с любимым.

А когда настало утро, Будур села на престол царства и призвала капитана корабля, и тот, явившись, поцеловал землю меж ее рук, а она спросила его: "Где ты оставил владельца этих маслин?" – "О царь времени, – отвечал капитан, – мы оставили его в стране магов, и он садовник в саду". – "Если ты не привезешь его, то случатся с тобою и с твоим кораблем такие беды, которые сам не знаешь", – сказала Будур.

И потом она велела запечатать кладовые купцов и сказала им: "Владелец этих маслин – мой должник, и на нем лежит долг мне, и если вы его не приведете, я непременно перебью вас всех и разорю вашу торговлю". И купцы обратились к капитану и обещали, что наймут его корабль, когда он еще раз вернется, и сказали ему: "Избавь нас от этого своенравного злодея!"

И капитан взошел на корабль и распустил паруса, и Аллах предначертал ему благополучие, так что ночью он прибыл на остров и отправился в сад. А что касается Камар-аз-Замана, то ночь показалась ему долгой, и он вспомнил свою возлюбленную и сидел и плакал о том, что с ним случилось. И он подумал о своей возлюбленной и произнес:

"Вот ночь, когда звезды стоят неподвижно,

И нет у ней силы, чтоб двинуться с места,

И длятся часы, как весь день воскресенья,

Для тех, кто рассвета в ту ночь выжидает".

А капитан постучал в дверь к Камар-аз-Заману, и когда Камар-аз-Заман открыл дверь и вышел к нему, моряки взяли его и привели на корабль. И они распустили паруса и поехали и ехали непрерывно в течение дней и ночей, а Камар-аз-Заман не знал, какая тому причина. И он спросил о причине, и ему сказали: "Ты должник царя, правителя Эбеновых островов и зятя царя Армануса, и украл у него деньги, о злосчастный!" И Камараз-Заман воскликнул: "Клянусь Аллахом, я в жизни не вступал в эти страны и не знаю их!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И с ним ехали, пока не приблизились к Эбеновым островам, и его привели к Ситт Будур, и та, увидя Камараз–Замана, узнала его и сказала: "Оставьте его со слугами, пусть его сведут в баню". И она сняла запрет с купцов и наградила капитана великолепной одеждой, стоившей десять тысяч динаров.

И в эту ночь она пришла к себе во дворец и рассказала обо всем Хаят–ан–Нуфус и сказала ей: "Скрывай все это, пока я не достигну желаемого, и я сделаю дело, которое запишут и станут читать после нас царям и их подданным".

А когда она велела отвести Камар–аз–Замана в баню, его свели в баню и одели в царскую одежду. И Камар–азЗаман, выйдя из бани, был подобен ветви ивы или звезде, смущающей своим появлением луну и солнце, и душа его вернулась к нему. А потом он отправился к Будур и вошел во дворец, и Будур, увидав его, приказала своему сердцу терпеть, пока не исполнится то, что она хотела. И она пожаловала Камар–аз–Заману невольников, евнухов, верблюдов и мулов и дала ему мешок денег, и все время возвышала Камар–аз–Замана со ступеньки на ступень, пока не сделала его казначеем.

Она вручила ему все деньги и была с ним приветлива и приблизила его к себе и сообщила эмирам о его сане, и они все полюбили его. И царица Будур стала каждый день увеличивать ему выдачи, и не знал Камар–аз–Заман, почему она его возвеличивала. И от такого множества денег он принялся дарить и проявлять щедрость, и служил царю Арманусу так, что тот полюбил его. И полюбили его также эмиры и все люди – и знатные, и простые – и стали клясться его жизнью. И при всем этом Камар–азЗаман дивился, что царица Будур так возвеличивает его, и говорил про себя: "Клянусь Аллахом, этой любви обязательно должна быть причина, и, может быть, этот царь оказывает мне такой великий почет ради дурной цели. Я непременно отпрошусь у него и уеду из его земли".

И он отправился к царице Будур и сказал ей: "О царь, ты оказал мне великое уважение; заверши же его и позволь мне уехать и возьми от меня все то, что ты мне пожаловал". И царица Будур улыбнулась и спросила: "Что вызывает в тебе желание уехать и броситься в опасности, когда ты в величайшем почете и большой милости?" И Камар–аз–Заман отвечал ей: "О царь, этот почет, если ему нет причины, – дивное дело, особенно потому, что ты назначил мне чины, которые должны принадлежать старцам, а я – малый ребенок". – "Причина Этого, – сказала царица Будур, – то, что я люблю тебя из–за твоей чрезмерной и превосходной красоты, редкостной и блестящей прелести. И если ты позволишь мне то, чего я от тебя желаю, я еще увеличу тебе почет, подарки и милости и, хоть ты и молод годами, сделаю тебя везирем, как люди сделали меня над собою султаном, хотя мне всего столько лет. Не диво теперь, что главенствуют дети, и от Аллаха дар того, кто сказал:

"Как будто век наш из семейства Лота [243]

Он молодых охотно выдвигает".

И когда Камар–аз–Заман услышал эти слова, он застыдился, и щеки его покраснели, как пламя, и он воскликнул: "Нет мне нужды в таком почете, ведущем к совершению запретного! Нет, я буду жить бедным деньгами, но богатым благородством и совершенством!" Но царица Будур воскликнула: "Меня не обманет твоя совестливость, происходящая от высокомерия и кичливости, и от Аллаха дар того, кто сказал:

"Напомнил я единенья время, и молвил он

"Доколе будешь речи длить жестокие?"

Но я динар показал ему, и сказал он стих:

"Куда бежать от участи, решенной нам?"

И Камар–аз–Заман, услышав эти слова и поняв нанизанные стихи, воскликнул. "О царь, нет у меня привычки к подобным делам, и нет сил нести такое бремя! Его бессилен вынести и старший, чем я, так как же быть мне при моих юных годах?" Но царица Будур, услышав эти слова, улыбнулась и сказала: "Поистине, вот предивная вещь! Ты ошибаешься, хоть правильно рассуждаешь! Раз ты молоденький, почему же ты боишься запретного и опасаяешься совершить грех, когда ты не достиг еще возраста ответственности, а за грех малолетнего нет ни взыскания, ни упрека? Ты сам хотел услышать это доказательство, желая спорить. И обязательна для тебя моя просьба о сближении. Не отказывайся и не проявляй теперь нежелания, – ибо веление Аллаха – участь predetermined. Я больше, чем ты, должен бояться впасть в заблуждение; и отличился тот, кто сказал:

"Мой пыл велик, а малый говорит, прося:

"Вложи его во внутрь и будь ты храбрым!"

И ответил я: "Ведь так нельзя!" – и сказал он мне;

"По мне, так можно", – и я познал, согласный"

И когда Камар–аз–Заман услышал эти слова, свет сменился мраком пред лицом его, и он воскликнул: "О царь, у тебя найдутся такие женщины и прекрасные девушки, подобных которым не найти в наше время. Не удовлетворишься ли ты ими вместо меня; обратись, к кому хочешь, и оставь меня". – "Твои слова правильны, – отвечала Будур, – но не утолить с женщинами боли мучения от любви к тебе. Испорченная натура повинуется недобрым советам. Оставь же препирательство и послушай слова сказавшего:

Не видишь: вот рынок и рядами плоды лежат,

И фиги берет один, другой – сикоморы.

А вот слова другого:

О ты, чей ножной браслет молчит и звенит кушак:

Доволен один, другой – о бедности сетует,

Ты ждешь, что утешусь я, глупец, красотой ее,

Но, быв прежде праведным, неверным не буду я,

Пушком я клянусь тебе, что кудри смутят ее,

С невинной красавицей тебя не забуду я!

А вот слова другого;

О красавец, любовь к тебе – моя вера,

Из всех толков избрал ее я охотно,

Для тебя я покинул всех ныне женщин,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И монахом теперь меня все считают.

И слова другого:

Не равняй ты юнцов и жен и не слушай

Доносящих, что скажут всем: "Это мерзость!"

Меж женою, чьи ноги лик мой целуют,

И юнцом, что целует землю, – различье.

А вот слова другого:

Я жертва твоя! Тебя я избрал нарочно,

Ведь кровь ты не льешь, яиц никогда не носишь,

А если бы мы желали любить красавиц,

Для наших детей стал тесен бы край обширный.

И слова другого:

Она говорила мне, жеманясь и гневаясь.

Когда позвала меня за тем, что не вышло:

"Когда не полюбишь ты, как должен жену любить,

Смотри, не брани меня, коль станешь рогатым",

И слова другого:

Она молвила, когда я познать не хотел ее;

"О ты глупец, о глупый до предела.

Не согласен ты, чтоб перед мой был тебе кыблю [244],

Повернусь к тебе другой кыблю, угодной",

И слова другого:

И прямого пути из мрака заблуждения. Прекрасно и отлично выразился сказавший:

"Кой в чем заподозрили нас люди, упорствуя своим подозрению душою и сердцем.

Иди, подтвердим их мысль, чтоб снять с них тяжелый грех,

Один только раз – потом мы каяться будем".

И затем она дала ему заверения и обещания и поклялась ему необходимо–сущим, что такое дело случится у нее ним один только раз во все время и что любовь к нему привела ее к смерти и потере. И Камар–аз–Заман пошел с нею с этим условием в уединенное место, чтобы погасить огни ее страсти, а сам говорил: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Это предопределено славным, премудрым!"

А затем он распустил шальвары в крайнем смущении, и глаза его текли от сильного волнения. А Будур улыбнулась и ввела его с собою на ложе и сказала: "После сегодняшней ночи ты не увидишь порицаемого".

И она склонилась к нему, целуя и обнимая и сплетая ногу с ногою, и сказала: "Положи руку мне между бедрами к тому, что тебе известно". И Камар–аз–Заман заплакал и сказал: "Я не умею ничего такого!" – а Будур воскликнула: "Ради моей жизни, сделай то, что я тебе велела!"

И Камар–аз–Заман протянул руку (а душа его вздыхала) и увидел, что ее бедра мягче сливочного масла и нежнее шелка, и он ощутил наслаждение, касаясь их, и стал водить рукою во все стороны, пока не достиг купола, многоблагословенного и подвижного. И тогда он подумал:

"Может быть, этот царь двуполой и он не мужчина и не женщина?" – и сказал: "О царь, я не нахожу у тебя того, что есть у мужчин. Что же побудило тебя к таким поступкам?"

И царица Будур так засмеялась, что упала навзничь, и воскликнула: "О мой любимый, как ты скоро забыл ночи, которые мы провели вместе". И она дала ему узнать себя, и Камар–аз–Заман узнал, что это его жена, царица Будур, дочь царя аль–Гайюра, владыки островов и морей. И он обнял ее, и она обняла его, и поцеловал ее, и она поцеловала его, и они легли на ложе сближения и говорили друг другу такие стихи:

"И звала его я к сближению, шею гибкую

Изогнув к нему, чьи изгибы непрерывны,

И поила твердость души его ее мягкостью.

И он просьбе внял, хоть отказывал упорно,

Побоялся он, чтоб хулители его видели,

Когда явится он в кольчуге им блестящей,

Бока сетуют на бедро его, нагрузившее,

Когда ходит он, его ногу, как верблюда.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Повязался он мечом режущим очей своих,

И кольчугу он на себя надел из мрака.

Аромат его шлет благую весть, что явился он,

И бегу к нему, точно птица я из клетки.

И ланиты я подостлал в пути для подошв его,

И сурью праха он вылечит мне око"

Привязал я стяг обладания, обнимаясь с ним,

Непокорной я развязал узлы удачи.

И устроил праздник, и ответил мне на призыв мой

Лишь восторг один, от седых забот свободный.

И усеял месяц как звездами уста его

Пузырьками вин, что на лике влаги пляшут.

И в михрабе [245] я наслаждения пребывал всегда

Подле той, чей дар вернет к истине ослушных,

Поклянусь чудом "Рассвета" я на лице ее:

Суру "Преданность" [246] не забуду я вовеки!"

Потом царица Будур рассказала Камар–аз–Заману обо всем, что с нею случилось, от начала до конца, и он тоже рассказал ей обо всем, что с ним случилось. А после этого он перешел к упрекам и спросил ее: "Что побудило тебя к тому, что ты сделала со мной сегодня ночью?" – а она отвечала: "Не взыщи с меня: я хотела лишь пошутить и увеличить веселье и удовольствие".

Когда же настало утро и засияло светом и заблестало, царица Будур послала к царю Арманусу, отцу царевны Хаят–ан–Нуфус, и рассказала ему об истине и о том, что она жена Камар–аз–Замана. Она рассказала ему свою историю и поведала о причине их разлуки и сообщила царю, что его дочь Хаят–ан–Нуфус девственна, как была. И когда царь Арманус, владыка Эбеновых островов, услышал историю царицы Будур, дочери царя аль–Гайюра, он изумился до крайней степени и приказал записать ее золотыми чернилами. А затем он обратился к Камар–аз–Заману и спросил его: "О царевич, не хочешь ли ты стать моим зятем и жениться на моей дочери Хаят–ан–Нуфус?" И Камар–аз–Заман ответил: "Я посоветуюсь с царицей Будур: у нее надо мной неограниченное преимущество".

И когда он спросил у нее совета, Будур сказала: "Прекрасен этот план! Женись на ней, а я буду ее служанкой, так как она оказала мне услугу, благодеяние, добро и милость, – тем более что мы в ее жилище и нас засыпали милости ее отца".

И, увидав, что царица Будур склонна к этому и у нее нет ревности к Хаят–ан–Нуфус, Камар–аз–Заман уговорился с ней об этом деле..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семнадцатая ночь

Когда же настала двести семнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар–аз–Заман уговорился со своей женой, царицей Будур, об этом деле и рассказал царю Арманусу, что царица Будур согласна и что она будет служанкой Хаят–ан–Нуфус.

И когда царь Арманус услышал от Камар–аз–Замана эти слова, он обрадовался сильной радостью. А потом он вышел и сел на престол своего царства и, призвав всех везирей, эмиров, придворных и вельмож правления, рассказал им историю Камар–аз–Замана и его жены, царевны Будур, с начала до конца, и сказал, что он хочет выдать свою дочь, Хаят ан–Нуфус, за Камар–аз–Замана и сделать его султаном над ними, вместо его жены, царицы Будур.

И все сказали: "Раз Камар–аз–Заман, оказывается, муж царицы Будур, которая была прежде него над нами султаном (а мы думали, что он зять нашего царя Армануса), тогда мы все согласны, чтобы он был над нами султаном, и мы будем его слугами и не выйдем из повиновения ему".

И царь Арманус обрадовался сильной радостью, а затем он призвал судей и свидетелей и главарей царства и заключил брачный договор Камар–аз–Замана с его дочерью Хаят–ан–Нуфус. И после этого он устроил торжества и объявил роскошные пиры и наградил дорогими одеждами всех эмиров и предводителей войск и роздал милостыню беднякам и нищим и выпустил всех заключенных. И люди обрадовались воцарению Камар–аз–Замана и стали молиться об его вечной славе, преуспейании, счастии и величии.

А Камар–аз–Заман, сделавшись над ними султаном, отменил пошлины [247] и выпустил тех, кто оставался в тюрьмах, и поступал с народом достохвальным образом, и пребывал он со своими женами в блаженстве, радости, довольстве и веселье, проводя у каждой жены одну ночь. И так он прожил некоторое время, и рассеялись его заботы и печали, и забыл он своего отца, царя Шахрамана, и то величие и власть, которое знал с ним.